

Панфилов В.З. Проблема слова и «инкорпорирование» в нивхском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 6.

Панфилов В.З. Грамматика нивхского языка. Ч. 1. Фонетическое введение и морфология именных частей речи. М.; Л., 1962.

Панфилов В.З. О происхождении склонения в нивхском языке. (К проблеме становления грамматических категорий в агглютинативных языках) // Вопросы языкознания. 1963 (а). № 3.

Панфилов В.З. Грамматика и логика. Грамматическое и логико-грамматическое членение простого предложения. М.; Л., 1963 (б).

Панфилов В.З. Грамматика нивхского языка. Ч. 2. Глагол, наречие, образные слова, междометия, служебные слова. М.; Л., 1965.

Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971.

Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты. М., 1977.

Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982.

Штернберг Л.Я. Образцы материалов по изучению гилацкого языка и фольклора, собранных на острове Сахалин и в низовьях Амура // Изв. Императорской академии наук. 1900, Ноябрь. Т. XIII. № 4.

Штернберг Л.Я. Материалы по изучению гилацкого языка и фольклора. Т. I. Образцы народной словесности. Ч. 1. Эпос (поэмы и сказания, первая половина). СПб., 1908.

Юшманов Н.В. Материалы по типологии / Рукопись к публикации подготовлена А.Б. Долгопольским // Проблемы африканского языкознания: типология, компаративистика, описание языков. М., 1972.

Shiraishi H. Topics in Nivkh Phonology. Proefschrift ter verkrijging van het doctoraat in de Letteren. Groningen, 2006.

Sternberg L. Bemerkungen über Beziehungen zwischen der Morphologie der giljakischen und amerikanischen Sprachen // Internationaler Amerikanisten-Kongress. XIV. Tagung (Stuttgart 1904). 1. H. Stuttgart, 1906.

Сиро Сасаки

Исследование Л.Я. Штернбергом нивхского общества и структурная антропология

В статье предпринята попытка оценить роль исследований Л.Я. Штернберга в истории изучения культуры нивхов, которая ведет начало от Мамяя Риндзо (XIX в.) и до Брюса Гранта (конец XX в.).

Нами будет проанализирована и уточнена характеристика методики этнографических исследований Штернберга в контексте изучения истории Восточной Азии и мировой антропологии.

Лев Яковлевич Штернберг был одним из выдающихся этнографов России и Советского Союза. Его вклад в развитие русской и советской этнографии не ограничивается изучением нивхского общества и культуры на Дальнем Востоке: он разработал методологические принципы антропологических и полевых исследований, вырастил многих этнографов. Кроме того, результаты его исследований имели большое влияние на развитие мировой антропологии, особенно на эволюционный и структурный принцип изучения человеческих обществ.

Этнографам-марксистам хорошо известно, что Ф. Энгельс использовал статью Штернберга по нивхскому обществу для создания своей теории эволюции семьи. Он отметил, что родственная терминология и семейная система нивхов, описанные Штернбергом на основании его полевых данных, могли бы поддержать идею о существовании группового брака в эволюционной истории человеческой семьи [Engels 1990].

Влияние Штернберга на мировую антропологию не ограничивалось только примером эволюционной антропологии. Его статью о брачной системе нивхов позже цитировал К. Леви-Строс в качестве примера обобщенной модели обмена женщинами и калыма между родственными группами [Lévi-Strauss 1969].

Между тем его исследования вне России известны мало. Можно сказать, что результаты его исследований были использованы западными антропологами только как материал для иллюстрации собственных теорий. Никто пока не оценил по-настоящему его работ по развитию общества нивхов, его место в истории мировой антропологии.

В качестве одного из предшественников Л.Я. Штернберга как исследователя культуры нивхов вполне можно назвать японского путешественника Риндзо Мамия, который в начале XIX в. проводил свои исследования на Сахалине и Нижнем Амуре. Некоторая информация о народах Амура и нивхах имеется в китайских исторических и географических записях XIV в., но они не были основаны на полевых исследованиях специалистов по антропологии и географии.

Р. Мамия был прекрасным географом, он подготовил детальные карты островов Хоккайдо, Кунашира, Сахалина. Его экспедиция на

Сахалин и Нижний Амур проходила в 1808–1809 гг. Ее целью было составление топографии северной части Сахалина, решение вопроса о существовании пролива между Сахалином и материком, а также изучение социальных и политических условий жизни обитателей этого острова. В этой экспедиции он познакомился с культурой айнов, ульта, нивхов на Сахалине и ульчей, нанайцев и других народов в бассейне Амура, установил дружественные отношения с нивхами на западном побережье Сахалина. Мамия Риндзо жил в их стойбище Нотэто (Тык) в течение нескольких месяцев, вместе с ними он ездил на китайский рынок в Дырен на Амур и подробно наблюдал их жизнь во время этого путешествия. Впоследствии Мамия Риндзо написал отчет о своей экспедиции на Сахалин и передал его правительству [Mamiya 1810].

Отчет состоит из восьми томов, в двух из них описана жизнь и культура нивхов Сахалина: хозяйство, занятия, поселения, элементы общественной жизни и духовного мира. Каждое описание довольно краткое, однако оно содержит много важных этнографических данных о культуре и обществе нивхов начала XIX в. Отчет был частично переведен на немецкий язык П.Ф. Зибольдом, его цитировал Л.Я. Шренк [Siebold 1897; Шренк 1883, 1899].

Леопольд Иванович Шренк (**Leopold von Schrenck**) — один из выдающихся русских этнографов XIX в. Он провел фундаментальную экспедицию в бассейне Нижнего Амура в 1854–1856 гг., которая состояла из этнологических, географических, геологических, ботанических, зоологических исследований, и опубликовал ее результаты в нескольких томах. Сначала труды были написаны на немецком языке, а затем переведены и опубликованы на русском. Они и в настоящее время являются наиболее подробными и целостными этнографическими работами по культуре коренных народов бассейна Амура, особенно по нивхам (гилякам). Описания охватывают все предметы культуры нивхов, включая географическое расселение, политическую историю, физические характеристики, материальную культуру, социальную организацию и духовную культуру.

Работы Шренка получили высокую оценку за исследования культуры амурских этносов, которой тогда еще не подверглась влиянию европейской цивилизации. Однако коренные народы этого региона

уже испытали сильное воздействие политических, экономических и других факторов со стороны народов Восточной Азии. Л.И. Шренк был единственным европейским этнологом, который смог засвидетельствовать «сантанскую торговлю» на Сахалине и элементы управления маньчжурской империи (династия Цин) в бассейне Амура.

Этнографический труд Л.И. Шренка является целостным и подробным, но не лишенным недостатков. Его знаменитая этнолингвистическая классификация народов Амура подвергалась резкой критике С. Патканова, И.А. Лопатина и других исследователей, которые настаивали на том, что Шренк совершил много ошибок [Патканов 1906, Лопатин 1922].

В основном Шренка упрекают в том, что он подробно описал многие культурные события и элементы, но не анализировал их для того, чтобы понять их структуру. Однако такая методика была характерна практически для всех этнографов XIX в. Методология структурного анализа стала использоваться уже во времена Л.Я. Штернберга.

Западными антропологами, принадлежащими к поколению Л.Я. Штернберга, были Ф. Боас, Б. Малиновский, А.Р. Рэдклифф-Браун. Боас подчеркивал важность полевого исследования, настаивал на концепции культурного релятивизма и перестроил американскую культурную антропологию. Б. Малиновский и А.Р. Рэдклифф-Браун совершили «революции» в современной социальной антропологии. Они разработали антропологический метод длительного полевого наблюдения и теоретические рамки функционального или структурно-функционального анализа.

Ф. Боас, Б. Малиновский и А.Р. Рэдклифф-Браун также настаивали на важности изучения местного языка для проведения исследований. Штернберг начал свои антропологические исследования и академическую карьеру раньше, чем Боас, Малиновский и Рэдклифф-Браун и самостоятельно разработал и использовал те же научные методы.

Как известно, он начал исследования, находясь в ссылке на Сахалине, где часто видел нивхов, живших в суровых условиях, которые усугублялись жесткой колониальной политикой. Осознав важность этнологических исследований их культуры, Штернберг начал изучать их язык и фольклор, наблюдал их поведение, брал у них интервью, изучал их социальные обычаи и религиозные верования.

Он был сосредоточен на описании нивхского языка и фольклора, но главным его вкладом в мировую антропологию стали исследования по терминологии родства и семейным отношениям нивхов.

В отличие от Риндзо Мамия¹ и Л.И. Шренка, которые не знали нивхского языка, Штернберг мог сам задавать информантам деликатные вопросы об общественных отношениях и нравах. Умение говорить на нивхском языке позволило ему ближе подойти к ним. Он составил подробный словарь по терминологии родства, описал табу инцеста, брачные отношения между родами, «порядок движения» невест и калыма. Он занимался исследованием мировоззрения нивхов и шаманизма. В последнем случае основным информантом был молодой ученик великого шамана. Ученый не анализировал данные с функциональной или структурно-функциональной точки зрения, но сама методология его исследования и способ описания позволяют предположить, что у него были функциональные или структурные идеи для изучения общества нивхов.

Штернберга отличает от более поздних антропологов (функционалистов и структурных функционалистов), в первую очередь, его богатейший полевой опыт. Прежде чем отправиться в поле, Малиновский и Рэдклифф-Браун изучали математику и физику в университете, прошли специальную подготовку под руководством К.Г. Селигмана и ряда других антропологов. А Штернберг не имел базового антропологического образования. Он, наоборот, сначала занимался полевыми исследованиями и лишь после окончания ссылки стал изучать методологию антропологии. Таким же образом складывалась научная карьера В. Богораза и В. Йохельсона.

Известно, что краткий отчет Штернберга по терминологии родства и брачной системы нивхов дал Ф. Энгельсу конкретные доказательства его эволюционной теории истории человеческой семьи. Энгельс настаивал, что родственная терминология нивхов указывала на существование группового брака между братьями и сестрами из двух кланов и так называемой семьи пуналуа [Engels 1990: 348–351]. Тем не менее детальное описание Штернберга привело антропологов к другой теоретической модели. Это была обобщенная модель обмена в брачной и родственной структуре.

¹ Р. Мамия хорошо понимал важность изучения местного языка. Он хорошо говорил и понимал по-айнски. Может быть, он общался с нивхами на айнском языке.

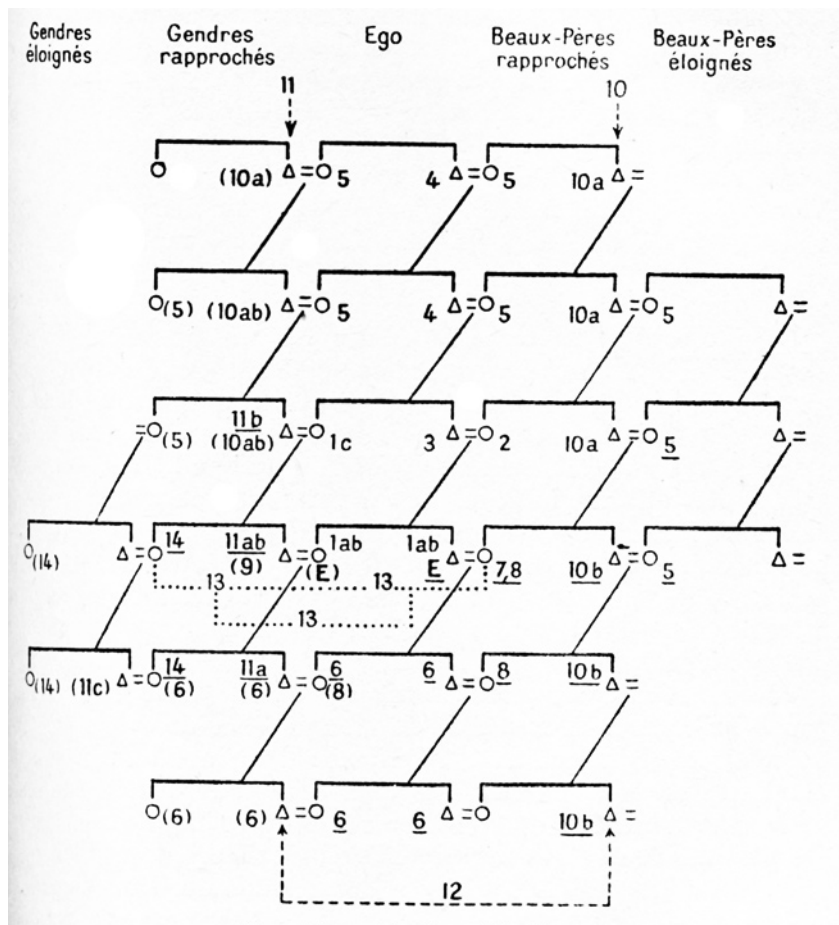

FIG. 55. — Système Gilyak.

Chiffre simple : terme employé indifféremment par *E* et (*E*).

Chiffre : terme employé par *E* seulement.

(Chiffre) : terme employé par (*E*) seulement.

..... : terme réciproque.

-----> : terme s'appliquant à une ou deux lignées masculines

Рис. 1. Схема родственной терминологии нивхов [Lévi-Strauss 1949: 365]

«Обобщенный обмен» (Echange généralisé, или Generalized exchange) является одной из самых известных моделей родственной структуры, которая была предложена К. Леви-Стросом наряду с «ограниченным

обменом» (*Echangerestrain*, или **Restricted exchange**). Анализ классовой системы аборигенов Австралии позволил Леви-Стросу определять первую модель следующим образом: «Но есть и второй вариант. <...> Это может быть выражено формулой: если мужчина из класса А женится на женщине из класса В, мужчина из В женится на женщине из С. Здесь связь между классами выражается одновременно браком и происхождением. Мы предлагаем называть систему, описанную этой формулой, системой обобщенного обмена, указывая тем самым, что она может быть установлена взаимоотношениями между любым количеством партнеров. Эти отношения, более того, являются направленными отношениями» [Lévi-Strauss 1969: 178].

Леви-Строс предполагал, что родственная система нивхов (гиляков) была одним из конкретных примеров «простейшей формы» обобщенного обмена. Для этой цели он использовал некоторые работы Л.Я. Штернберга, например такие, как «Социальная организация гиляков» (рукопись, хранящаяся в Американском музее естественной истории), «Образцы фольклора гиляков» (1908), и «Тураноганованская система и народы Северо-Восточной Азии» (Международный конгресс американистов, Лондон 1912).

При анализе родственной терминологии (*рис. 1*) и семейного права он установил, что элементарная структура нивхов являлась одним из типов обобщенного обмена, который был похож на структуру качинов в горных районах Бирмы. Он писал: «Как видно из данного отрывка, этот цикл альянса требует минимум пять родов, но может включать в себя и многие другие. Таким образом, гипотеза разделения на фрагменты (*moiety*), которая была представлена Штернбергом, не только бесполезна, но и противоречит фактам» [Lévi-Strauss 1969: 301].

Леви-Строс использовал материалы Л.Я. Штернберга, но отрицал его предположение о существовании дихотомической социальной системы среди нивхов и предложил систему, составляющую структуру из пяти родов как минимальную социальную единицу для реализации обобщенного обмена (*рис. 2*).

Модель К. Леви-Строса была переосмыслена и дополнена профессором Синъитиро Курода (*Shin'ichiro Kuroda*). Он подтвердил существование системы из пяти родов в цикле альянса, основанного на материнских кросскузенных браках, и «перемещение» женщин и калыма, проанализировав оригинальные тексты Штернберга

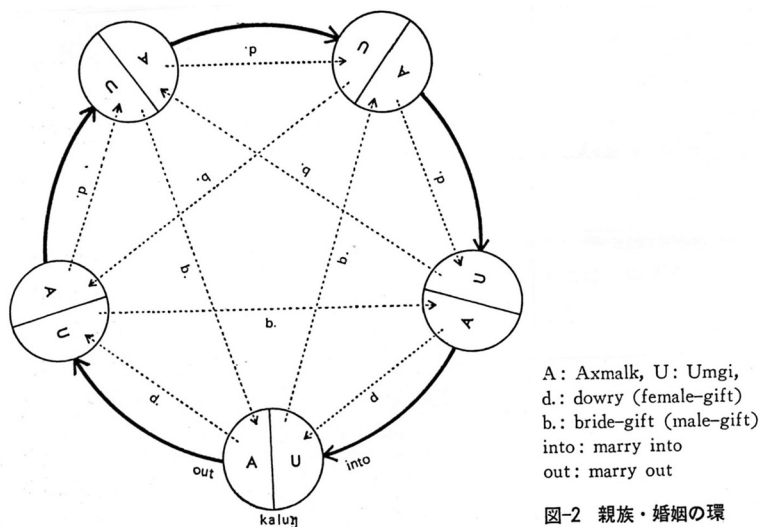

图-2 親族・婚姻の環

Рис. 2. Родственная структура нивхов: пять родов, направления обмена женщинами и дарения калыма [Kuroda 1974: 42]

и лингвистические материалы Кен Хаттори (японский лингвист, который проводил полевые исследования среди нивхов в южной части Сахалина в 1930–1940-х годах) [Kuroda 1974].

Более того, он соединил выше упомянутую структуру родства с символической системой и мировоззрением нивхов. Изучение материалов Штернберга, К. Хаттори, Е.А. Крейновича о церемониях похорон и медвежьего праздника привело профессора Куроду к выводу о том, что символический мир нивхов имеет в своей основе систему родства, он состоит из трех миров в вертикальной оси и четырех по горизонтальной оси. Он также настаивал на том, что вертикальное мышление расположено по линии мужчин, которые произошли от родового предка. В то же время каждый из них был связан друг с другом и по женской линии, которая была аналогична с линией женского движения в модели системы из пяти родов в цикле альянса [Kuroda 1975: 55–58] (рис. 3). Сегодня сложно пересматривать и интерпретировать гипотезы Леви-Строса и Куроды, но важно их убеждение в том, что материалы Штернберга по социальным отношениям среди нивхов должны быть высоко оценены и использованы для структурного анализа.

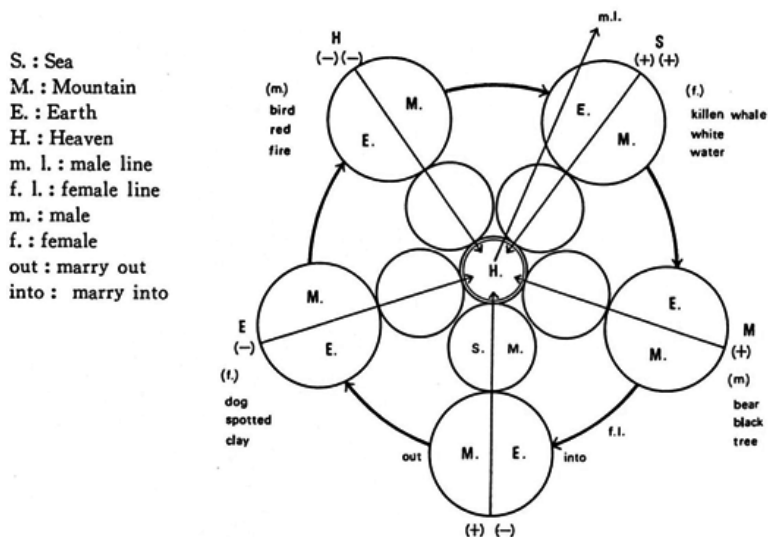

Рис. 3. Схема мировоззрения нивхов, предположенная С. Курода [Kuroda 1975: 55]

Работы Штернберга об обществе нивхов настолько обстоятельны и сложны, что невозможно оценить их в такой краткой статье. Они в равной степени описывают вопросы, касающиеся экономики, материальной культуры, социальной структуры, религии и мировоззрения, народной медицины, науки, политической и культурной истории. В его произведениях можно найти влияние эволюционной теории Л.Г. Моргана и марксистской теории Ф. Энгельса, но они могут быть переосмыслены и согласно структурной теории альянса обобщенного обмена, предложенной Леви-Стросом. Несомненно, труды Штернберга несут в себе большой потенциал «гибкости и применимости».

До 1990-х годов западные антропологи, которые изучали народы Сибири и Дальнего Востока России, часто цитировали и использовали материалы и статьи Штернберга как чисто этнографические описания, представляющие существенный интерес для исследования общества и культуры нивхов. Они считали такое описание уместным при исследовании любой эпохи истории нивхов. Более того, они не имели представления о собственной истории нивхов. Они предпола-

гали, что в истории нивхов был только один переломный момент — модернизация в конце XIX в. и начале XX в. Многие исследователи были уверены, что история нивхов должна быть разделена только на два периода: до модернизации и после модернизации. Советские этнографы считали, что лучше говорить «до революции» и «после революции». Однако исторические факты, которые были выявлены при анализе китайских, маньчжурских и японских архивных документов, показывают, что нивхи и их прямые предки имели свою собственную историю и что в ней много точек поворота. Октябрьская революция была лишь одной из них.

Произведения Штернберга создавались под сильным влиянием такой же академической волны, как, например, эволюционизм, диффузионизм и функционализм, и были ограничены политическими, экономическими и социальными условиями, в которых существовал объект исследования. Что касается последнего, то экономические условия нивхов в тот момент были худшими за всю их историю. Так, Б. Грант отмечал, что «в отличие от идиллических картин, предлагаемых Риндзо, чтобы понять голод, влиявший на нивхов в эти годы (1908, 1914 и 1917 гг. — С.С.) в том же районе, только на сто лет раньше, нужно учитывать влияние интенсивного и повторяющегося использования русскими поселенцами самых востребованных рыболовных и охотничьих угодий» [Grant 1995: 65].

Л.Я. Штернберг, а также Б. Пилсудский и другие европейские антропологи провели свои полевые исследования именно в таких условиях. Все этнологи и этнографы отмечали бедность коренных малочисленных народов Дальнего Востока России, в том числе нивхов, и обсуждали, как вывести их из такого жалкого состояния. Позже советские этнографы также приняли участие в дискуссии. Однако, как отметил Б. Грант, Мамия Риндзо создал портреты нивхов, живших двести лет назад. По его словам, рисунки нивхов, созданные Риндзо, «представляют редкие портреты коренных жителей Сахалина за пределами обычных природно-культурных континуумов». По мнению Гранта, «такие факты обеспечивают основы политики отсталости и изоляции северных обществ Сахалина по прибытии советских переселенцев» [Grant 1995: 50].

В этнографических материалах Штернберга, несомненно, нет никакой фантастики. Тем не менее нельзя считать, что факты, уви-

денные и описанные Штернбергом в поворотный момент истории нивхов, можно прилагать к любому периоду их истории. С тех пор как в XIII в. предки нивхов впервые появились в исторических документах, они часто испытывали серьезные социальные и культурные изменения. Это и завоевания монгольских армий, и антагонизм в отношениях с предками айнов при правлении династии Мин и Цин, и соперничество между маньчжурами и японцами на Сахалине, и пограничные переговоры между Японией и Россией. По нашему мнению, исходя из особенностей истории региона и местных этносов, ряд результатов этнографических исследований Штернберга следует пересмотреть.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что антропологические исследования Л.Я. Штернберга имели следующие характеристики.

1. По сравнению с этнографическими работами М. Риндзо и Л.И. Шренка исследования Штернберга были, несомненно, более детальными и отвечали современным на тот период подходам. В отличие от предшественников он провел многолетние полевые исследования. Результатом стали этнографические исследования с «насыщенным описанием» («*thick discription*»).

2. Штернберг изучал антропологическую методологию под сильным влиянием эволюционной теории, но собранные им этнографические данные оказались достаточно гибкими и настолько широко применимыми, что их можно переосмысливать в рамках теории структурной антропологии.

3. Его работы не были свободны от исторических условий своего времени. Нивхи находились под сильным влиянием колониальной политики русского правительства, они серьезно страдали от нищеты и дискриминации. По понятным причинам его исследования отличаются от работ Р. Мамия и Л.И. Шренка, они часто дают нам негативное представление об обществе и культуре нивхов. Используя его материалы, мы должны помнить, что его работы — лишь одно из исторических описаний культуры нивхов.

Библиография

Лопатин И.А. Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские // Записки общества изучения амурского края. Т. XVII. Владивосток: Владиво-

стокское отделение Приамурского отдела Русского географического общества, 1922.

Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. 2 // **Записки императорского русского географического общества по отделению этнографии**. Т. 31. Ч. 2. СПб.: Императорское русское географическое общество, 1906.

Шренк Л.И. Об инородцах амурского края. СПб.: Императорская академия наук, 1883. Т. 1.

Шренк Л.И. Об инородцах амурского края. СПб.: Императорская академия наук, 1899. Т. 2.

Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны: Статьи и материалы. Хабаровск: Дальгиз, 1933.

Engels F. A Newly-Discovered Case of Group Marriage // Marx K. and F. Engels. *Collective Works*. Vol. 27. P. 348–351. Moscow: Progress Publishers, 1990. (First published in *Die Neue Zeit*. Vol. 1. No. 12, 1892–93).

Grant B. In the Soviet House of Culture: A Century of Perestroikas. Princeton NJ: Princeton University Press, 1995.

Kuroda Shin'ichiro. Notes on the Gilyak kinship system (1) // *Journal of the Center for Northern Humanities*. 1974. 8. P. 29–44. (На японском языке с английским резюме).

Kuroda Shin'ichiro. Notes on the Gilyak kinship system (2) // *Journal of the Center for Northern Humanities*. 1975. 9. P. 29–60. (На японском языке с английским резюме).

Lévi-Strauss C. Les structures élémentaires de la parenté. Paris: Presses Universitaires de France, 1949.

Lévi-Strauss C. The Elementary Structures of Kinship. Boston: Beacon Press, 1969.

Mamiya Rinzo. Хокуибункайюва (Отчет экспедиции на Сахалине в 1808–1809 гг.). Национальный архив Японии, 1810. (На японском языке).

Siebold Ph. Fr. von. Nippon: Archiv zur Beschreibung von Japan und dessen neben- und Schutzländern Jezo mit den südlichen Kurilen, Sachalin, Korea und den Liukiu-Inseln. Würzburg; Leipzig: Verlag der K.U.K. Hofbuchhandlung von Leo Woerl, 1897.